

ХЕЛЕН БЛЭР

КАК УБИТЬ
СВОЕГО ГЛАВНОГО
ФАНАТА

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(0)-44
Б70

Helen Blair

HOW TO KILL YOUR BIGGEST FAN

© 2026 by Helen Blair

Блэр, Хелен.

Б70 Как убить своего главного фаната / Хелен Блэр ; [перевод с английского М. Павлычевой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 512 с. — (Ток. Одержимость. Триллеры об опасных отношениях).

ISBN 978-5-04-236063-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБАНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Хэйзел Уитт двадцать лет пишет романтическую макулатуру, ненавидит своих читателей, презирает индустрию и вообще обожает жаловаться на жизнь. Но былая слава уже померкла, продажи ее книг падают, а агент требует от нее классный триллер. Вот только проблема в том, что Хэйзел — скучная женщина средних лет, в чьей жизни нет ни убийств, ни опасных преследователей — только дедлайны, издательские обеды и автограф-сессии.

Пока не появляется Марго. Она знает о Хэйзел все: где та живет, что любит есть и почему больше не пишет. Марго уверена, что между ними особая связь. Хэйзел уверена, что перед ней всего лишь немного назойливая поклонница.

Но у любой неприятности есть светлая сторона: Марго может стать идеальной героиней для нового романа.

И чем глубже писательница погружается в прошлое фанатки, тем труднее понять, кто здесь преследователь, кто жертва — и кто на самом деле пишет эту историю...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(0)-44

ISBN 978-5-04-236063-3

© Павлычева М., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ —

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО МАРГО

«Дорогая Хэйзел!

Едва ли для тебя это важно, но это последний раз, когда я пишу тебе. За прошедшие годы я отправила тебе, наверное, сотни писем, а ты так и не удосужилась ответить. От тебя даже не было ни единого подтверждения о получении. Ничего. Ноль. Пшик. Зеро. Да кто ты такая, черт побери? Даже королева ухитряется отвечать на письма, а их она получает штук по триста в день.

Надо было думать головой. Я долго-долго верила, что ответ придет. Каждый вечер я бежала с работы домой, рылась в почте, уверенная, что именно сегодня я наконец-то получу весточку от всемогущей Хэйзел Уитт. Эта надежда поддерживала во мне жизнь, стала для меня смыслом существования. Все это время я тратила впустую, теша себя мыслью, что ты однажды ответишь мне. Я вижу истину. Ты никогда не напишешь мне. Не сделаешь то, что должно, то, что мне нужно от тебя. Если бы ты мне написала, ты бы поняла, как сильно мы связаны. Как твои книги сформировали меня. Как они повлияли на то, что я делала. И на то, о чем я мечтала. А оказыва-

ется, что все построено на дурацких идеях, которые ты вложила в мое юное, впечатлительное сознание.

Я доверяла тебе, Хэйзел. Я считала тебя своей лучшей подругой, родственной душой. Почему, как ты думаешь, я признавалась тебе в столь многом в своих письмах? Никто в мире не знает меня так, как ты. Я делилась с тобой своими самыми сокровенными, мрачными тайнами, потому что думала, что ты слушаешь. Мне была нужна твоя помощь. Мне нужно было понять, что я делаю не так. Почему у меня не получается обрести свое «и жили они долго и счастливо». Хэйзел, я старалась изо всех сил, клянусь. Я копировала все, что делали твои герои, чтобы найти истинную любовь. Не сработало. Любовь все не победила, хотя ты и обещала, что победит.

Когда ничего не получалось, я старалась быть терпливой. Я ждала своей очереди. Я знаю, любовь не так-то просто встретить, поэтому она и бесценна. И поэтому ее стоит ждать. Я всегда старалась стереть прошлое и начать заново, с новой главы, надеясь, что это станет началом моей эпичной истории любви. Ведь я не о столь многом прошу, правда? Я хочу, чтобы меня любили.

С другими это происходило сплошь и рядом. Ты не представляешь, как тяжело было видеть, что уродливые, неблагодарные тетки находят себе пару. И они даже не прилагали к этому никаких усилий. Мужчины просто влюблялись в них волей-неволей, и все. Бум! Кольцо. Пышное белое платье. А я стояла в церкви, наблюдая, как счастливые молодожены клянутся друг другу в вечной любви, и вопила, вопила, вопила. Мне всегда попадались только плохие парни: мужчины, которые использо-

вали меня в качестве станции техобслуживания сексом, прежде чем унестись в закат с другой. Голову даю на отсечение: в конечном итоге они сожалели о том, что разбили мне сердце.

Но они никогда не сломили бы меня, если бы не ты и твои глупые книжки. Может, у меня был бы шанс на нормальную жизнь. Твои истории соблазнили меня. Я потеряла много времени, но теперь я вижу тебя. Я знаю, что ты солгала мне. Во всем виновата ты. Ты, жирная, уродливая аферистка.

Никто меня не хочет. Даже ты. И от этого больнее всего. Разрыв с тобой убьет меня надежнее, чем любое другое расставание. Не знаю, как я это сделаю. Повешусь? Наглотаюсь таблеток? Мне нравится идея спрыгнуть с обрыва и лететь по небу — последний восторг, прежде чем я ударюсь о воду и меня поглотит море. Выбирать нужно с умом. Я не хочу испортить этот момент, как я испортила все, что делала.

Но прежде чем я уйду, мне нужно, чтобы ты поняла: ты погубила мою жизнь. Моя смерть погубит твою. Я тебе обещаю. Если я чему-то и научилась у тебя, так это тому, что счастливых концов не бывает. Во всяком случае, для меня. И уж точно не для тебя.

Прощай, Хэйзел. Спасибо ни за что.

Марго Х».

ГЛАВА 1

Если и есть что-то, что я ненавижу больше, — больше, чем холодный салат на бургере или слово «затык», — так это выступления на литературных мероприятиях. Вдыхая, я ковыряю лак на ногтях и жду, когда меня выпустят на публику, пришедшую сюда в честь Национального дня чтения, Дня покупателей книг, Всемирного месячника литературы или какого-нибудь другого дурацкого, высосанного из пальца маркетингового мероприятия. Так происходит каждый год, авторов выманивают из домов ради таких бессмысленных экзерсисов. Прекрасно, я прочту собственную книгу. Вслух. Перед залом, заполненным людьми, которые вполне способны читать сами. Зато хватает на оплату счетов.

Я иду в очереди за Бриллиантом из Челси, как ее подобострастно называют, за новой знаменитостью — женщиной, которая занялась спелеологией, дабы оправиться от смерти мужа, который «внезапно» скончался во время сексуальных утех. Несколько лет назад, когда эта самая привлекательная двадцатисемилетняя девица из Бутла была признана невиновной в убийстве, ее история занимала все первые полосы. С тех пор она монетизировала эту самую известность, отпечатав свою за-

днищу на всех уютных диванах дневных телешоу. Сейчас она завоевывает литературный мир книгой, которую, вероятно, и не писала; та уже стала вторым номером в списке бестселлеров «Санди таймс». Прочитав «Заполняя пустоту: история Бриллианта из Челси», я могу подтвердить: это полная чушь, продажи которой росли благодаря неверию публики в то, что женщина, которая раньше размещала на Ютубе мастер-классы по ваджазлингу¹ собственного производства, способна на нечто большее, чем просто лежать на спине и раздвигать ноги.

Подзаголовок просто жутчайший: «История о стремлении молодой женщины вновь обрести искру в самых глубоких уголках мира природы». Вспоминая этот самый подзаголовок, я хмыкаю. Бедняжка не догадывается, что стала посмешищем.

Когда я начала писать книги, всем было плевать на то, кто я такая. Успех базировался на мастерстве и таланте. В наши дни договор на книгу могут заключить с любым, у кого есть аккаунт в соцсетях, но при наличии нескольких тысяч подписчиков. Честно говоря, у меня случился небольшой приступ аневризмы, когда @HaroldtheHairyBeaver² (два миллиона подписчиков) опубликовал жалкое подобие романа и это «творение» в чартах побило Маргарет Этвуд. Вот с чем сейчас нам приходится иметь дело. Со знаменитыми бобрами.

¹ Украшение линии бикини стразами, драгоценными камнями и т. д. — *Здесь и далее — примечания переводчика, если не указано иное.*

² Харольд Волосатый Бобер.

Я вытягиваю шею, наблюдая, как Челси сопровождает свое чтение всхлипом, достойным мыльной оперы, как ее накачанные губы подрагивают, словно клубничная панакота. Публика — неготовая к тому, что в четыре часа буднего дня ей читают истории о мастурбации в джунглях, — нестройно аплодирует. Челси посылает воздушный поцелуй и удаляется в нашу наскоро оборудованную артистическую уборную — между секциями хобби и путешествий, — смахивая на ходу последние крокодиловы слезы из-под наращенных ресниц.

— Срази их всех наповал, подруга, — говорит она с шотландским акцентом, покровительственно хлопая меня по плечу.

Я уже проиграла битву таким красавицам. Толстая, анемичного вида авторша любовных романов за пятьдесят не способна соперничать с женщиной, которая собственной вагиной насмерть задушила мужа. Я бы и рада рассказать, куда ей стоило бы пойти, этой ведьме-убийце, однако по привычке покорно улыбаюсь в ответ. Проследив за тем, как Челси исчезает в грим-уборной, чтобы подкрасить ресницы, заставляю себя встать и слушаю, как Джозефина — организатор мероприятия — представляет меня.

— Чтение... было... замечательным! Спасибо, Челси, за смелость поделиться с нами своей историей, — дипломатично говорит Джозефина, затем опускает взгляд в свою карточку для заметок. — А теперь мы рады представить вам популярнейшего автора любовных романов Хэйзел Уитт. Она прочтет нам отрывок из своей новой книги, действие которой происходит в Лондоне во время

Второй мировой войны. «Бомба любви» — это роман о тех, кто нашел любовь в период тяжелейших испытаний, выпавших на долю Великобритании.

Название заставляет меня поморщиться. «Бомба любви» — это была идея моего агента. Я хотела придать названию печальные интонации, сделать его более мрачным и привлекательным для взрослых, в отличие от моей предыдущей книги. Но мне было сказано, что название и обложка уже согласованы. Прежде чем я успела возразить, меня заткнули, положив передо мной жуткий сигнальный экземпляр с обложкой, на которой был изображен исторически неправильный стилет цвета фуксии, затерявшийся между обломками разбомбленного здания. Вот и сейчас я держу в руках книгу с той самой безвкусной картинкой, и внутри меня все сжимается.

— Мисс Хэйзел, прошу на сцену! Давайте поприветствуем! Хэйзел Уитт!

Я на дрожащих ногах карабкаюсь на роstrу¹, надеваю очки, кладу книгу на кафедру и принимаюсь читать с тем же энтузиазмом, с каким на школьных собраниях читают «Отче наш».

Как я и предполагала, немногочисленная публика состоит из женщин средних лет в кардиганах, платьях от Дороти Перкинс и скромных украшениях; нет сомнения в том, что они убивают время на культурных мероприятиях, выжидая, когда наступит время забирать

¹ Платформа в Древнем Риме, с которой ораторы обращались к народу во время республиканского и императорского периодов.

детей из младшей школы. Я позволяю себе внутренне вздохнуть, с удовольствием вспоминая старые добрые времена, когда меня встречало хихиканье школьниц всех возрастов с зубами, заляпанными дешевой губной помадой; девочки одной рукой прижимали к груди потрепанные томики «Дневника Хэтти», а в другой держали стаканчик из «Старбакса». В те дни это было так волнующе, так ново.

Шли годы, и я от жанра янг-эдалт¹ перешла к историям для взрослых, в частности к любовным романам, и первые из них сопровождались торговыми войнами между издательствами и исчезали с прилавков в день выхода. Те времена уже в далеком прошлом. Теперь выход в свет проходит в тишине, и мои книги в лучшем случае попадают на последние места рейтингов продаж. Но хуже всего то, что модные, живые, полные надежд девушки превратились в тех, кого я сейчас вижу перед собой: неухоженных мамочек, у которых находится время и желание читать книжки в мягких обложках, валяясь на пляже где-нибудь в Испании по турпутевке.

И все же я стараюсь изо всех сил пробудить интерес к моим книгам. Несколько дней назад я тщательно отобрала декадентский отрывок — такой, который был насквозь пронизан страстным желанием и напряжением. Идет Вторая мировая война, героиня приезжает в Лондон с чемоданом, набитом одеждой, и с меч-

¹ Янг-эдалт (англ. *young adult*, YA) — литературный жанр для подростков и молодых взрослых (12–25 лет), включающий романы о взрослении, первой любви, поиске себя. — Прим. ред.

той влюбиться. Мое чтение воспринимается с унылым ропотом. В наши дни женщин больше возбуждает распродажа в «Маркс и Спенсер», чем зарождающаяся любовь.

Понимая, что мне нужно растянуть выступление на целых пятнадцать минут, а прошло только шесть, я нарушаю неловкое молчание тем, что закрываю книгу, снимаю очки и без особого энтузиазма спрашиваю:

— Есть какие-нибудь вопросы?

— Скажите, вы когда-нибудь напишете продолжение «Дневника Хэтти»? — кричит с места какая-то женщина. Сразу понятно, что она из богатеньких: в ее щеках столько филлера, что его хватило бы на набивку широченного матраса. — К примеру, десять лет спустя? Я бы с удовольствием узнала, что случилось с Хэтти и Томом.

Я подавляю желание закатить глаза. За последние пятнадцать лет этот вопрос мне задавали миллионы раз. «Дневник Хэтти» был моим начальным гамбитом — серия романов для подростков; эти книги стали международными бестселлерами и забетонировали мою карьеру в качестве автора. Истина же в том, что Хэтти была в другой жизни, в другом времени. Ею была я много лет назад, до того как во мне одержал верх цинизм. Я слепила ее по своему образу, но она пошла по пути Адама и Евы, первых детей Господа, которые оказались избалованными и разочаровали своего создателя. С возрастом я поняла, что, если бы Хэтти стала взрослой, она превратилась бы черт-те во что. Поэтому оставила ее в возрасте девятнадцати лет с мечтами о Питере Пэне и на пороге отношений с симпатичным парнем. Она ни-

когда не повзрослеет, несмотря на постоянное давление моего агента и просьбы тысяч читателей.

— В настоящий момент я не планирую вновь навещать Хэтти, — тонко улыбаюсь я. — Но знаете... никогда не говори никогда! — пусть продолжают надеяться.

— Есть ли в ваших книгах любовные отношения, основанные на личном опыте? — спрашивает одна дама; ее волосы удерживает резинка, обтянутая тканью, и такой стиль совсем не подходит ей по возрасту.

— В последних — нет, но я всегда в поиске вдохновения!

Вежливый смех. Ох, как же больно.

Я киваю еще одной женщине, гадая, какой увлекательный экскурс в мою жизнь она попытается сделать. Спросит, что надо сделать, чтобы тебя опубликовали. Тоска смертная.

— Здравствуйте, Хэйзел, я Кэтлин Майклз, и я уже несколько лет внимательно слежу за вашей карьерой, — она натянуто улыбается, постукивая ручкой по щеке. — Без обид, но вам не кажется, что вся эта история — мальчик встречает девочку и влюбляется — немного... устарела?

Я хмурюсь, глядя на нее, выпячиваю подбородок.

— В каком смысле устарела?

В зале воцаряется неловкое молчание.

— В том, знаете ли, что традиционный роман мертв. Пятьдесят процентов браков заканчиваются разводом. Моногамия замещается полигамией. Ваши романы, по сути, не отражают сегодняшнее общество, и мне хотелось бы узнать, собираетесь ли вы написать что-нибудь более реалистичное.

Иисус, Мария и Иосиф, да откуда она взялась, эта ораторша?! Я стараюсь не вспотеть.

— Спасибо, Кэтлин, за столь просвещенный комментарий, — рывкаю я и замечаю, что капли моей слюны долетают до первого ряда. — Во-первых, действие «Бомбы любви» происходит в определенный исторический период, и с моей стороны было бы ужасной ошибкой включать туда полигамию, ведь в охваченной войной Британии оргии не были нормой жизни, во всяком случае, насколько мне известно. — Шикарная девица в третьем ряду смеется и теребит жемчуг на шее. — Во-вторых, в отношении моих других произведений я не могу согласиться с утверждением, что традиционный роман мертв. Сотни лет женщины мечтают встретить своего единственного и найти любовь. Сомневаюсь, что это как-то изменилось и...

— Не особо вдохновляет, не правда ли? — перебивает меня Кэтлин. — Вы же не будете спорить, что это вредно — внушать молодым женщинам, что встреча с мужчиной — единственный способ стать счастливой?

— Я думаю...

— Более того, ваши женские персонажи всегда молоды и прекрасны, а мужские — красивы и зачастую богаты. Вас не тревожит та самая динамика власти, которая под этим подразумевается?

— А разве это так, Кэтлин? — я хлопаю ресницами. — Я не особо понимаю, чего вы от меня ожидаете. Я не пытаюсь изменить мир. Мои книги — это просто развлечение. Я в полной мере осознаю, что они не отражают реальность, они же не просто так называ-

ются художественной литературой. Верно, не все люди найдут ту самую любовь, о которой я пишу в романах, но и принцы, чтобы найти свою любовь, не пользуются хрустальной туфелькой и не бродят по лесам в поисках женщин в стеклянных саркофагах. Однако нет ничего плохого в том, чтобы мечтать о таком, разве не так?

— Конечно, не так! — заявляет Кэтлин, агрессивно щелкая своей шариковой ручкой. — Представьте, какое разочарование они испытывают, когда сталкиваются с реальностью!

— Не... разочарование! Они решают, как им совладать с этой реальностью, — ответ получается более саркастичным, чем мне хотелось бы. — Думаю, с вашей стороны неразумно возлагать на меня всю ответственность за поколение разочарованных женщин.

Кэтлин заливается краской. Публика таращится на свою обувь.

Проклятие! Надо спасать положение, пока кто-нибудь из «Букселлера»¹ не перехватил инициативу.

— Послушайте, я высоко ценю вашу озабоченность. Как незамужняя женщина средних лет я понимаю боль... разочарования. Не всем удастся попасть в сказку. Но такова жизнь. И если людям нравится читать мои романы, если мои книги позволяют им немного пофантазировать и представить себя героиней прекрасной истории любви, прежде чем идти в химчистку или драить ванную,

¹ The Bookseller — главный британский журнал книжной индустрии, издается с 1858 года. Профессиональное издание для издателей, агентов и книготорговцев. — *Прим. ред.*

почему бы не дать им такую возможность? Как-никак все истории — выдумка.

Пожилая женщина в первом ряду согласно кивает, но мой взгляд прикован к Кэтлин. Ее губы приоткрываются, но я затыкаю ее дежурным вопросом: «У кого-нибудь еще есть вопросы?», и она прищуривается с таким видом, будто я наступила на щенка, а потом принимается что-то писать в своем блокноте.

Женщина с азиатской внешностью вежливо спрашивает, как я изучала период войны. Я отвечаю рассеянно, продолжая разглядывать Кэтлин. Чуть за тридцать, а может, и моложе. Выбор одежды — укороченные брюки и грубые ботинки — соответствует возрасту. С довольным лицом, копной выющихся рыжих волос и в солнцезащитных очках в стиле пятидесятых, она напоминает мне что-то среднее между журналисткой и библиотекаремшей. Может, блогер?

Господи, как я ненавижу блогеров. Писатели-подражатели, превратившие уголок интернета в свой личный рупор отвращения к себе. Без сомнения, ее сайт забит статьями о том, что в чьей-либо проблеме виноват кто угодно, только не сам человек. Не можете найти партнера? Мужчины — дерьмо. Не можете найти работу? Образование — дерьмо. Нет денег? Правительство — дерьмо. Как будто кому-то есть до этого дело. Ну и пусть, пусть она в своей эхокамере¹ засыпает неодобритель-

¹ Эхокамера — информационная среда, в которой человек сталкивается только с мнениями, совпадающими с его собственными, что усиливает его убеждения и изолирует от альтернативных точек зрения. — *Прим. ред.*